Цифровизация судебной, следственной и прокурорской деятельности

О ПУТЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ И ЦИФРОВИЗАЦИИ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ[1]

Петр Петрович ИЩЕНКО,
старший преподаватель кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук
ppischenko@msal.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Аннотация. *Российский уголовный процесс крайне консервативен, устаревшее письменное судопроизводство чрезвычайно ресурсозатратно и малоэффективно. Необходимость совершенствования досудебного производства по уголовным делам активно обсуждается учеными и практическими работниками. Предлагаются различные пути реформирования досудебного производства и его начального этапа. Авторы и сторонники «Доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права» предлагают отказаться от предварительного расследования, усматривая в нем «пережиток тоталитаризма». В менее радикальной форме идеи отказа от стадии возбуждения уголовного дела были реализованы в законодательстве Украины и Казахстана. Автор полагает, что совершенствование начального этапа досудебного производства должно осуществляться в рамках существующих процессуальных институтов и сложившейся правовой традиции путем замены устаревшего письменного делопроизводства техническими способами фиксации доказательств и широкого использования современных информационных технологий.*
Ключевые слова: *уголовное судопроизводство, цифровизация, модернизация, досудебное производство, цифровые технологии.*

DOI: 10.17803/2311-5998.2019.60.8.089-099

P. P. ISHCHENKO,
Senior Lecturer of the Department of Judicial and Prosecutorial Investigative Activities of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Candidate of Law
ppischenko@msal.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

ABOUT THE WAYS OF REFORMING AND DIGITALIZATION OF THE INITIAL STAGE OF PRELIMINARY INVESTIGATION

Abstract. *The Russian criminal process is extremely conservative, outdated written proceedings are very resource-consuming and inefficient. The need to improve pre-trial criminal proceedings is being actively discussed by scientists and practitioners. Various ways of reforming pre-trial proceedings and*

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00896.

© П. П. Ищенко, 2019

its initial stage are proposed. The authors and supporters of the "Doctrinal Model of Criminal Procedure Evidence" offer to abandon the preliminary investigation, seeing it as a "relic of totalitarianism". In a less radical form, the ideas of refusing to initiate a criminal case were implemented in the legislation of Ukraine and Kazakhstan. The author believes that the improvement of the initial stage of pre-trial proceedings should be carried out within the framework of existing procedural institutes and the established legal tradition by replacing outdated written office work with technical methods of recording evidence and the widespread use of modern information technologies.
Keywords: *criminal proceedings, digitalization, modernization, pre-trial proceedings, digital technologies.*

Возбуждение уголовного дела имеет важнейшее значение для всего уголовного судопроизводства. Именно на этой стадии решается принципиальный вопрос «быть или не быть» предварительному расследованию, судебному рассмотрению и всем последующим стадиям проверки судебного решения. И именно здесь допускается больше всего нарушений закона, прав и законных интересов граждан, общества и государства.

По данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2018 г. прокурорами выявлено 3 730 794 нарушений закона органами предварительного расследования при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлениях, отменено 2 225 641 постановление следователей и дознавателей об отказе в возбуждении уголовного дела и 14 868 постановлений о возбуждении уголовного дела. По инициативе прокуроров поставлено на учет 144 144 ранее известных, но по различным причинам не учтенных преступлений. Следует заметить, что приведенные цифры не сильно отличаются от соответствующих показателей предыдущего года[2].

Количество выявляемых нарушений законности многими учеными и практическими работниками рассматривается как основание для реформирования начальной стадии уголовного судопроизводства. Есть, однако, и другие, не менее серьезные основания для таких утверждений. Не секрет, что российское уголовное судопроизводство зиждется на архаичных технологиях, таких как письменное делопроизводство и формально допустимые доказательства. В силу этого отечественный уголовный процесс остается медленным, неоправданно трудоемким, дорогим и неэффективным[3]. Повсеместное распространение общедоступных средств коммуникации и цифровых технологий обработки и передачи информации, небезосновательно именуемое «четвертой промышленной революцией»[4], его затронуло мало, а там, где затронуло, — осталось на «вторых ролях», в качестве

---

[2] Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь — декабрь 2018 г. // URL: https://genproc.gov.ru (дата обращения: 12.03.2019).

[3] *Ищенко П. П.* Уголовно-процессуальные аспекты эффективности предварительного расследования // Российский следователь. 2013. № 21. С. 29—31.

[4] *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М. : Эксмо, 2016.

приложения к письменным документам. Настоятельная необходимость цифровизации досудебного производства неизбежно ставит вопрос о модернизации его начальной стадии — стадии возбуждения уголовного дела. Несмотря на общее осознание необходимости реформ, в российской уголовно-процессуальной науке сегодня отсутствует единое понимание путей и масштабов такой модернизации.

Так, по мнению А. С. Александрова, Л. М. Володиной, Б. Я. Гаврилова, Ю. В. Деришева, А. П. Кругликова и ряда других ученых, для начала уголовного судопроизводства стадия возбуждения уголовного дела не нужна, достаточно лишь поступившего в компетентные органы заявления о преступлении, зарегистрированного в реестре досудебных производств (РДП)[5]. Предлагаемый процессуальный механизм нельзя рассматривать отдельно от идеологизированной концепции реформирования уголовного судопроизводства, сформулированной А. С. Александровым и его сторонниками в работе «Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права» (далее — «Доктринальная модель»), частью которой он является[6]. Суть предлагаемого подхода состоит в том, что предварительное расследование в нынешнем его виде должно быть ликвидировано как «пережиток тоталитаризма», вместе с «властью следователя», в которых автор «Доктринальной модели» видит корень всех зол. Досудебное производство по уголовным делам должно быть сведено к сбору доказательственной информации и «фактических материалов» сторонами обвинения и защиты. Оно ограничено лишь сроками давности, а значит, фактически может продолжаться до тех пор, пока прокурор не сочтет нужным предъявить обвинение и направить дело в суд (ст. 9.2, 12.1)[7].

В досудебное производство по «Доктринальной модели» включено все: и нынешняя доследственная проверка, и следственные действия, и оперативно-розыскные мероприятия («негласные следственные действия»). Однако собранные сведения становятся доказательствами лишь в суде, который и является единственным субъектом доказывания. Само уголовное преследование должно принять вид рассматриваемого в суде уголовного иска, заявляемого и поддер-

[5] См.: Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ и комментарии к ней / А. С. Александров, И. А. Александрова [и др.]. М. : Юрлитинформ, 2015 ; *Александров А. С.*, *Грачев С. А.* Стадия возбуждения уголовного дела: ликвидировать нельзя оставить // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1 (31). С. 101—108 ; *Володина Л. М.* Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика : монография. М. : Юрист, 2006. С. 211 ; *Гаврилов Б. Я.* Современное уголовно-процессуальное законодательство: концепция развития // Вестник Дальневосточного юрид. ин-та МВД России. 2017. № 1 (38). С. 17—18 ; *Деришев Ю. В.* Концепция досудебного производства в правовой доктрине современной России : монография. Омск, 2004. С. 157—163 ; *Кругликов А. П.* Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России? // Рос. юстиция. 2011. № 6. С. 57.

[6] Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ и комментарии к ней.

[7] См.: Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права / А. С. Александров, Н. Н. Ковтун, С. А. Грачев [и др.] // URL: http://www.iuaj/net/node/1766 (дата обращения: 09.08.2019).

живаемого прокурором или потерпевшим. В этом аморфном механизме четко обозначенная процессуальными решениями стадия возбуждения уголовного дела теряет свой смысл: собираемая информация не является доказательством, а потому все досудебное производство превращается в некий аналог нынешней доследственной проверки.

Предлагаемые сторонниками «Доктринальной модели» пути цифровизации уголовного судопроизводства имеют еще более радикальный характер. Так, С. В. Власова, исходя из здравой идеи о необходимости «приспособления уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности», предлагает уничтожить институт предварительного расследования как «пережиток тоталитаризма» вместе с уголовным делом, которое представляет собой «внешнее выражение господства следователя». Взамен пострадавшим от преступления гражданам предлагается обращаться через портал государственных услуг в суд с уголовным иском. Следователей, по мнению автора, следует заменить «интеллектуальными агентами, работающими на базе цифрового «государства-платформы», а также специализированными службами расследования тяжких информационных преступлений, которые будут не органами следствия, а органами уголовного розыска, без права принятия процессуальных решений. Быть следователем, по мнению С. В. Власовой, может любое лицо: программист, специалист по информационной безопасности (профессиональный «антихакер»), «робот» (компьютер), все, кто может с помощью технических средств получить информацию о преступнике[8]. Но собирать эти «следователи» (как со стороны обвинения, так и со стороны защиты) будут не доказательства, а «фактические материалы», которые могут стать доказательствами только в суде.

Трудно представить, что предлагаемые модели реформирования и цифровизации досудебного производства по уголовным делам в случае их реализации смогут работать и выполнять требуемые от них гражданами, обществом и государством функции. Прежде всего вызывают сомнение логичность и целесообразность интеграции столь специфического «сервиса», как уголовное судопроизводство в «Государство-как-Платформу», создаваемую для цифровизации государственного управления, взаимодействия государства с обществом, оказания услуг и т.д. Предлагаемые в рамках данной концепции меры, направленные на революционное совершенствование обработки данных для принятия управленческих решений, предоставят в распоряжение государственных органов полную совокупность сведений, в том числе — персонального характера, на каждого жителя страны[9].

Уголовное судопроизводство, в силу своей публичности, сложно отнести к услугам, оказываемым государством своим гражданам (в смысле ст.779 ГК РФ).

---

[8] *Власова С. В.* К вопросу о приспосабливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 1. С. 9—18.

[9] *Петров М., Буров В.*, *Шклярук М.*, *Шаров А.* Государство как платформа: (кибер) государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация. М. : Центр стратегических разработок, апрель 2018 // URL: https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2018/05/GOSUDARSTVO-KAK-PLATFORMA_internet.pdf.

В первую очередь и в наибольшей степени оно защищает интересы самого государства, причем по правилам и в порядке, самим государством установленным. Интересы потерпевшего, к сожалению, в уголовном судопроизводстве вторичны. Поэтому с утверждением С. В. Власовой, что уголовное правосудие — одна из сфер государственного управления, где населению и бизнесу оказывается услуга в виде защиты от преступности[10], вряд ли согласятся те, кому довелось когда-либо этой «услугой» воспользоваться.

Соединение же новых информационных технологий с карательной практикой органов уголовного преследования создаст прямую и явную угрозу гарантированным Конституцией РФ правам и свободам. Уголовное правосудие не является непосредственной частью экономики, но одним из специализированных «надстроечных» механизмов, влияние которого на явления «базисного» характера может быть крайне опасным и потому должно быть строго ограничено. В связи с этим вряд ли сто́ит распространять общие подходы, применяемые в рамках правительственных программ по созданию цифровой экономики, на эту специфическую область государственной деятельности.

Далеко не все граждане способны сами инициировать и поддерживать уголовный иск, так же как и не все преступления совершаются или отражаются в информационных системах и могут быть раскрыты путем поиска информации в информационных сетях «интеллектуальными агентами». Легко также представить (и даже реализовать практически) не менее «интеллектуальных» контрагентов, «ботов», которые будут способны «снабжать» этих «роботов» и «агентов» любой фейковой информацией. Об опасности такого использования современных технологий в сети Интернет предупреждают ученые, исследователи данного вопроса[11]. Установление «роботом» IP-адреса, с которого была произведена криминальная транзакция, не решает проблемы установления лица, ее осуществившего, а потому, как правило, не имеет особого практического значения.

Существует огромное количество преступлений, по которым нет потерпевших, а значит — некому заявлять об их совершении (например — торговля наркотиками). Наконец, есть немалое количество преступлений, которые необходимо раскрыть, прежде чем их можно будет расследовать. Сегодня эта работа выполняется в том числе следственным путем. Вероятность, что с этой задачей справятся одни оперативники, а тем более — дилетанты с компьютерами, близка к нулю.

Вопреки утверждениям авторов и сторонников «Доктринальной модели», следователь (дознаватель) в современном российском уголовном процессе не хозяин, а «ломовая лошадь», с трудом тянущая «воз» уголовного судопроизводства. Это подтвердит любой, кто работал на этой должности. Что произойдет, если по совету радикальных реформаторов законодатель откажется от предварительного расследования? Ответ очевиден: эту работу придется выполнять самому обществу, гражданам и, конечно же, суду. Можно предположить, что это будет тяжело, непривычно, дорого и неэффективно. Разрушение действующего механизма защиты граждан от преступных посягательств, ныне приводимого

[10] *Власова С. В.* Указ. соч. С. 10.

[11] *Овчинский В. С.* Криминология цифрового мира : учебник для магистратуры. М. : Норма, Инфра-М, 2018. С. 252—253.

в движение следственными органами «ex officio», приведет к разгулу преступности и снижению качества жизни.

Основные идеи, заложенные в основу «Доктринальной модели», такие как ликвидация предварительного следствия и смешение его с оперативно-розыскной деятельностью, лишение прокурора надзорных функций и превращение его в руководителя уголовного преследования, введение процедуры «депонирования доказательств» в суде и перенесение в суд всей работы по изобличению виновного и доказыванию подлежащих установлению обстоятельств, имеют целью отрыв российского уголовного процесса от континентальных корней и его полную американизацию. Считать подобные реформы «модернизацией» оснований нет. Англосаксонский процесс еще более архаичен, чем российский. Его судебные процедуры долги и дороги, а устаревшие институты сами требуют обновления. Ситуация, когда более 90 % рассматриваемых американскими судами уголовных дел заканчивается сделкой с правосудием, минуя суд присяжных[12], свидетельствует о глубоком кризисе этой системы.

Совершенствование любой человеческой деятельности, будь то производство товаров или отправление правосудия, основано на разделении труда и специализации ее участников. Чем больше специализированных операций в «технологической цепочке» — тем совершеннее деятельность, выше ее производительность и качество выпускаемого продукта. Снижение меры сложности системы есть процесс энтропийный, а потому — точно не эволюционный. Поэтому меры, предлагаемые сторонниками «Доктринальной модели», являются не модернизацией досудебного производства по уголовным делам, а его деконструкцией.

Менее радикальным образом идея отказа от стадии возбуждения уголовного дела была реализована в уголовно-процессуальном законодательстве некоторых государств «ближнего» зарубежья. Так, согласно ст. 214 УПК Украины, принятого 13 апреля 2013 г., следователь или прокурор безотлагательно, но не позднее 24 часов после получения заявления, сообщения о совершенном уголовном правонарушении или самостоятельного выявления ими из любого источника сведений о совершении такого правонарушения, обязаны внести сведения о нем в Единый реестр досудебных расследований, начать расследование, и в течение 24 часов после регистрации сообщения предоставить заявителю выписку из указанного реестра. Сходные положения закреплены и в гл. 23 УПК Республики Казахстан, принятого 4 июля 2014 г. Началом досудебного расследования, согласно ст. 179 УПК РК, является регистрация поступившего заявления или сообщения об уголовном правонарушении в Едином реестре досудебных расследований (ЕРДР)[13].

Несмотря на достаточный для объективной оценки промежуток времени, пока неизвестно, удалось ли законодателю указанных стран решить при помощи данных нововведений проблемы начальной стадии уголовного судопроизводства. Основания для сомнений предоставляет сам новый порядок регистрации сооб-

---

[12] *Ширев Д. А.* К вопросу об институте суда присяжных в США // Вопросы экономики и права. 2015. № 5. С. 36.

[13] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (с изм. и доп. по состоянию на 21.01.2019) // URL: https://online.zakon.kz/Dokument/?doc_id=31575852#pos=3 ;-227 (дата обращения: 02.04.2019).

щений о преступлениях. Так, согласно УПК Республики Казахстан, регистрация заявления о преступлении в ЕРДР равнозначна решению о возбуждении уголовного дела. Но что делать, если компетентный орган не нашел оснований для регистрации заявления? Согласно ч. 5 ст. 181 УПК РК, такие заявления и сообщения без регистрации в ЕРДР в течение трех суток направляются для рассмотрения уполномоченным государственным органам. Предполагается, что если признаки преступления будут установлены, то сообщение будет зарегистрировано в ЕРДР и расследовано. Здесь закономерен вопрос: а что если все произойдет так, как нередко происходит в российской практике — заявление просто «подошьют в наряд» без какой-либо проверки и вынесения решения? Как заявителю (да и надзирающему прокурору) узнать мотивы такого решения следователя или дознавателя? Как оценить его законность? Как заявителю мотивированно обжаловать и инициировать проверку подобного «отказа в возбуждении уголовного дела»?

В связи с этим есть основания полагать, что предлагаемый новый порядок начала досудебного расследования является лишь частичным решением существующих проблем. С технической точки зрения переход с «бумажной» на электронную регистрацию сообщений о преступлениях — весьма разумная идея, которую следовало бы осуществить уже давно. Это придало бы оптимизируемым процедурам бóльшую четкость, прозрачность и контролируемость. Однако ответ на вопрос, является ли предлагаемый порядок модернизацией и в уголовно-процессуальном смысле, не столь однозначен.

Проблема соблюдения законности при приеме, регистрации и проверке сообщений о преступлениях возникла давно — она заявляла о себе в полный голос еще в советский период. Несмотря на регулярно принимаемые меры, преимущественно направленные на ужесточение ответственности должностных лиц за принимаемые решения, существенных изменений ситуации не происходит. При этом с сообщениями, в которых признаки преступления очевидны, правоохранительная система в основном справляется. «Негативную статистику» делают обращения, где факт совершения преступления неочевиден и обстоятельства требуют проверки, которую закон обязывает провести качественно и в ограниченные сроки.

Большинство отменяемых прокурорами постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела — это как раз решения, принятые без надлежащей проверки поступившего сообщения. Почему следователи и дознаватели идут на эти нарушения? Ответ очевиден: в основном из-за высокой нагрузки. За нарушение установленных ст. 144 УПК РФ сроков принятия решения по сообщению о преступлении следователь или дознаватель могут быть сразу же привлечены к дисциплинарной ответственности. Для продления сроков в установленном законом порядке необходимо обратиться к руководителю следственного органа или к прокурору. Поскольку в материалах неполно проведенной проверки предусмотренные законом основания для продления срока ее проведения, как правило, отсутствуют, обращение следователя или дознавателя по этому поводу может повлечь привлечение их к дисциплинарной ответственности. Вынося же необоснованное решение об отказе в возбуждении уголовного дела по недостаточно проверенным материалам, они получают своего рода «отсрочку», до отмены вынесенного постановления прокурором или начальником следственного органа. У следователей и дознавателей просто не хватает времени и сил на полно-

ценную проверку каждого поступившего к ним сообщения. Поэтому и невелика эффективность грозных окриков руководства и мер прокурорского реагирования.

Из ситуации, вызванной нехваткой ресурсов, простых выходов не бывает. Традиционный, экстенсивный подход к решению проблемы состоит в увеличении штатной численности сотрудников и (или) минимальных сроков рассмотрения сообщений о преступлениях. Первое требует денег, второе — вызовет обоснованную критику. Поэтому и возникают «революционные» предложения об отказе от стадии возбуждения уголовного дела как выход из «патовой» ситуации. При этом забывают, что эта стадия функционально необходима, в том числе и как «фильтр», на котором отсеиваются сообщения, не содержащие оснований для начала расследования. При отказе от нее либо потребуются серьезные затраты на процессуальную проверку всех поступающих сообщений, либо придется смириться с тем, что расследоваться будут в основном уголовные дела, возбужденные по сообщениям, в которых признаки преступления очевидны, поскольку на полноценное расследование всех сообщений установленными действующим законодательством процессуальными средствами у правоохранительных органов сил не хватит.

Есть основания полагать, что развитие мультимедийных и прочих цифровых технологий позволит модернизировать процесс фиксации доказательственной и иной процессуально значимой информации настолько, что необходимость в упрощенных и менее ресурсоемких проверочных действиях отпадет вовсе. Однако и в этом случае уполномоченные государственные органы не должны быть избавлены от необходимости принятия мотивированного решения о задействовании механизмов уголовного преследования, в том числе предусматривающих применение мер процессуального принуждения, либо об отказе от такового.

Отсутствие мотивированного решения о результатах рассмотрения сообщения о преступлении лишит заявителя возможности его предметного обжалования, а вышестоящего руководителя, прокурора и суд — возможности его надлежащей проверки по поступившей жалобе. Существующий ныне порядок обязательной проверки прокурором всех проверочных материалов и вынесенных решений станет невозможным. В результате отказа от стадии возбуждения уголовного дела право заявителей (потерпевших) на доступ к правосудию будет нарушено в еще большей степени, нежели это случается сейчас: в отличие от необоснованного постановления, которое можно понятным образом обжаловать и добиться его отмены, они будут получать ответ, что их обращение зарегистрировано, расследование по нему ведется, вне зависимости от реального положения дел.

Отсутствие постановления об отказе в возбуждении уголовного дела лишит и самих следователей (дознавателей) возможности сформулировать свою правовую позицию, а значит, они окажутся беззащитными со стороны любой критики, от кого бы таковая ни исходила.

Начало предварительного расследования зачастую связано с применением мер процессуального принуждения и принятием иных решений, ущемляющих права граждан. Отсутствие четкой процессуальной границы в виде мотивированного решения о возбуждении уголовного дела сделает возможным безосновательное применение указанных мер сразу же по поступившему заявлению, что повлечет массовые нарушения прав граждан.

Каждому, кто знаком с рассматриваемой проблемой не понаслышке, известен и ее «статистический» аспект: количество отмененных постановлений следователей и дознавателей об отказе в возбуждении уголовного дела является одним из показателей, по которому оценивается эффективность работы надзирающих прокуроров, в силу чего они вынуждены поддерживать его на стабильно высоком уровне. Много постановлений отменяется по причине низкого качества или неполноты проведенной доследственной проверки. Обнаружение таких недостатков дает прокурорам веские основания для отмены принятых решений, однако это не означает, что после их устранения непременно будут установлены основания для возбуждения уголовного дела. Поэтому распространенность нарушений закона на указанной стадии правильнее было бы оценивать по количеству уголовных дел, возбужденных по результатам отмены прокурорами постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела. В 2018 г. таких дел было возбуждено 165 646, что тоже немало, но это более чем в 13 раз уменьшает масштаб проблемы, рассматриваемой как основание для отказа от стадии возбуждения уголовного дела[14].

Совершенствование работы органов предварительного расследования и обеспечение законности принимаемых ими решений на начальном этапе досудебного производства должно осуществляться в рамках существующих процессуальных институтов и сложившейся правовой традиции. Интенсификация деятельности органов предварительного расследования на стадии возбуждения уголовного дела и последующих стадий досудебного производства может быть обеспечена за счет цифровой модернизации, замены устаревшего письменного делопроизводства техническими способами фиксации доказательств, широкого использования современных информационных технологий, в том числе для «дистанционного» проведения проверочных и следственных действий. Такая модернизация, разумеется, потребует пересмотра установленных ныне формальных критериев допустимости доказательств. Возможно, это приведет к полному или частичному стиранию процессуальных различий между следственными и проверочными действиями, проводимыми до возбуждения уголовного дела.

Все это, однако, не является достаточным основанием для отказа от оформленной мотивированными процессуальными решениями стадии возбуждения уголовного дела. Цифровизация уголовного судопроизводства, как показывает мировой опыт, вовсе не предполагает разрушительного реформирования законодательства. Сохранение этапа возбуждения уголовного дела, как и всего предварительного расследования, в процессе реформирования и цифровизации вовсе не является «цифровизацией архаики», как утверждает С. В. Власова[15], но последовательной эволюцией досудебного производства. Архаичны лишь письменное производство и формальные критерии допустимости доказательств, с которыми необходимо расстаться[16]. Сам же российский уголовный процесс не

[14] См.: Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь — декабрь 2018 г.

[15] *Власова С. В.* Указ. соч.

[16] См. подробнее: *Ищенко Е. П.*, *Ищенко П. П.* Ключевые проблемы уголовного судопроизводства // Lex Russica. 2016. № 9 (118). С. 230—242.

более «стар», чем британский или американский, к которому нас все более склоняют сторонники «Доктринальной модели».

Следует согласиться с мнением Л. А. Воскобитовой, что модернизация уголовного судопроизводства не должна причинять ущерб и становиться препятствием для достижения назначения уголовного судопроизводства, целей и задач отдельных стадий или этапов этой деятельности. Принимаемые меры должны обеспечить и усилить, а не снизить гарантии прав и свобод человека, вовлекаемого в процессуальную деятельность[17]. Повышение эффективности досудебного производства, по нашему мнению, должно достигаться путем совершенствования существующих институтов и процедур, в том числе за счет применения новых информационных технологий.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Александров А. С.*, *Грачев С. А.* Стадия возбуждения уголовного дела: ликвидировать нельзя оставить // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2015. — № 1 (31). — С. 101—108.
2. *Володина Л. М.* Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика : монография. — М. : Юрист, 2006.
3. *Воскобитова Л. А.* Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex Russica. — 2019. — № 5 (150).
4. *Власова С. В.* К вопросу о приспосабливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. Научный журнал. — 2018. — № 1. — С. 9—18.
5. *Гаврилов Б. Я.* Современное уголовно-процессуальное законодательство: концепция развития // Вестник Дальневосточного юрид. ин-та МВД России. — 2017. — № 1 (38). — С. 17—18.
6. *Деришев Ю. В.* Концепция досудебного производства в правовой доктрине современной России : монография. — Омск, 2004. — С. 157—163.
7. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ и комментарии к ней / А. С. Александров, И. А. Александрова [и др.]. — М. : Юрлитинформ, 2015.
8. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права / А. С. Александров, Н. Н. Ковтун, С. А. Грачев [и др.] // URL: http://www.iuaj/net/node/1766. (дата обращения: 09.08.2019).
9. *Ищенко П. П.* Уголовно-процессуальные аспекты эффективности предварительного расследования // Российский следователь. — 2013. — № 21. — С. 29—31.
10. *Ищенко Е. П.*, *Ищенко П. П.* Ключевые проблемы уголовного судопроизводства // Lex Russica. — 2016. — № 9 (118). С. 230—242.
11. *Кругликов А. П.* Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России? // Рос. юстиция. — 2011. — № 6.

[17] *Воскобитова Л. А.* Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex Russica. 2019. № 5 (150). С. 97.

12. *Овчинский В. С.* Криминология цифрового мира : учебник для магистратуры. — М. : Норма, Инфра-М, 2018.
13. *Петров М.*, *Буров В.*, *Шклярук М.*, *Шаров А.* Государство как платформа: (кибер) государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация. — М. : Центр стратегических разработок, апрель 2018. — URL: https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2018/05/GOSUDARSTVO-KAK-PLATFORMA_internet.pdf (дата обращения: 02.08.2019).
14. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. — М. : Эксмо, 2016.
15. *Ширев Д. А.* К вопросу об институте суда присяжных в США // Вопросы экономики и права. — 2015. — № 5.
16. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь — декабрь 2018 г. // URL: https://genproc.gov.ru (дата обращения: 12.04.2019).